

ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ!

Товарищ!

Где ты дерешься сейчас? Я искал тебя в боях под Вапняркой, под Уманью, под Кривым Рогом. Я знал, что найти тебя можно только в жарком бою.

Помнишь морозные финляндские ночи, дымящиеся развалины Кирка-Муолы, ледяную Вуокси-Вирта и черные камни на ней? Помнишь, обнявшись, чтобы согреться, мы лежали в землянке на острове Ваасик-Саари, говорили о войне и Родине? Над нами было маленькое небо из бревен в два наката. Чужой ветер дул в трубе. Чужой снег падал на крышу. Мы дрались тогда на чужой земле, но защищали безопасность нашей Родины. Каждый метр отвоеванного нами льда и снега становился родным: мы полили его своей кровью. Мы не отдали бы его ценою жизни - он принадлежал Родине.

Родина! Большое слово. В нем двадцать один миллион квадратных километров и двести миллионов земляков. Но для каждого человека Родина начинается в том селении и в той хате, где он родился. Для нас с тобой - за Днепром, на руднике, в Донбассе. Там наши хаты под седым очеретом - и твоя и моя. Там шумела наша веселая юность - и моя и твоя. Там степь бескрайна, и небо сурово, и нет на земле парней лучше, чем донбасские парни, и заката красивей, чем закат над копром, и запаха роднее, чем горький, до сладости горький запах угля и дыма. Там мы родились под дымным небом, под глеевой горой; там до сих пор звенит серебряной листвою тополь, под которым ты целовал свою первую девушку; там мы плескались с тобой, товарищ, в мелком рудничном ставке, и никто меня не уверит, что в море купаться лучше...

Отчего же, когда через два года уходили мы отсюда «в долгосрочный», горько заныло сердце? Весь город шел провожать нас до Большого Прощального камня на шоссе у сахарной вышки, и полкового барабана не было слышно из-за гула напутственных криков.

Сейчас я сижу в приднепровском селе и пишу тебе эти строки. Бой идет в двух километрах отсюда. Бой за это село, из которого я тебе пишу.

Ко мне подходят колхозники. Садятся рядом. Вежливо откашливаясь, спрашивают. О чем? О бое, который кипит рядом? Нет! О Ленинграде!

Ну, как там Ленинград? А? Стоит, держится? Никогда

они не были в Ленинграде, и родных там нет, - отчего же тревога в их голосе, неподдельная тревога? Отчего же болит их сердце за далекий Ленинград, как за родное село?

И тогда я понял. Вот что такое Родина: это когда каждая хата под седым очеретом кажется тебе родной хатой, и каждая старуха в селе - родной матерью. Родина - это когда каждая горячая слеза наших женщин огнем жжет твоё сердце. Каждый шаг фашистского кованого сапога по нашей земле - точно кровавый след в твоём сердце.

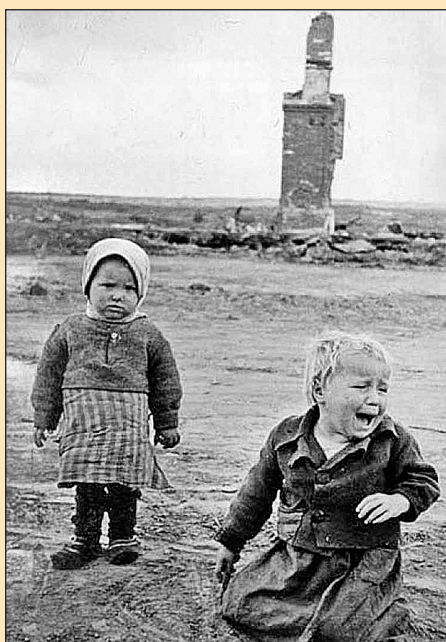
Товарищ! Если ты любишь Родину, - бей, без пощады бей, без жалости бей, без страха бей врага!

(Борис Горбатов «Письмо к товарищу»)

Мальчик из села Поповки

Среди сугробов и воронок
В селе, разрушенном дотла,
Стоит, зажмурившись ребёнок —
Последний гражданин села.
Испуганный котёнок белый,
Обломок печки и трубы —
И это всё, что уцелело
От прежней жизни и избы.
Стоит белоголовый Петя
И плачет, как старик без слёз,
Три года прожил он на свете,
А что узнал и перенёс.
При нём избу его спалили,
Угнали маму со двора,
И в наспах вырытой могиле
Лежит убитая сестра.
Не выпускай, боец, винтовки,
Пока не отомстишь врагу
За кровь, пролитую в Поповке,
И за ребёнка на снегу.

Самуил Маршак

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях
под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти - четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.

Алексей Сурков

Огненные тараны 22 июня 1941 года

В 4.05 - 4.25 Дмитрий Кокорев погнался за фашистским разведчиком, уходящим с отснятой фотопленкой на запад, догнал его над польским г. Замбрув, расстрелял боезапас. Крылом своего МиГа отрубил хвостовое оперение противника. Сев на крестьянском поле, вернулся в полк.

В 4.25 Иван Иванов, отгоняя огнем бомбардировщики врага от своего аэродрома близ г.Дубно, срезал винтом хвост «хейнкеля». Посадил машину, но скончался от потери крови в госпитале г.Дубно.

В 5.15 Леонид Бутелин, защищая боевые позиции

наших войск, сбил «юнкерс», таранил второй самолет. Погиб...

В 5.20, отражая налет бомбардировщиков на свой аэродром у Пружан, близ Бреста, Степан Гудимов свалил с неба один «хейнкель», второй сразил тараном. Смертельно ранен...

Между 6.00 и 7.00 в районе Долубова в Белоруссии уничтожил вражеский бомбардировщик Василий Лобода. Погиб...

Людмила Жукова,

«Правда» № 64 от 22 июня 2006 года

Было воскресенье 22 июня 1941 года. Стояла ясная и теплая погода. Казалось, ничто не предвещает беды. Вдруг по радио сообщили, что вскоре будет выступать народный комиссар иностранных дел В.М.Молотов.

У громкоговорителей собралось много людей. В наступившей тишине прозвучали слова, которым не хотелось верить — Германия вероломно, без объявления войны напала на Советский Союз. Надеждой и верой отозвались в сердце слова: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Лица у людей суровые, напряженные, во взглядах тревога и озабоченность за судьбы страны, народа, своей и своих близких. Многие женщины плакали...

3 июля 1941 года по радио выступил И.В.Сталин. Проникновенные слова того выступления глубоко запали в сердце и разум, звали на ратные и трудовые подвиги. «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои...» И.В.Сталин говорил о серьезной опасности, нависшей над нашей страной, о необходимости всемерно поддерживать Красную Армию, героически

сражающуюся с вооруженным до зубов врагом. «Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, полных нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков и капиталистов, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечивание, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Речь идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти городов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными, или впасть в порабощение. Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый военный лад, не знающий пощады врагу». Сталин призвал к народной войне против немецко-фашистских захватчиков.

В выступлении содержалась широкая программа защиты советского государства, завоеваний социализма, была выражена

непоколебимая вера в победу советского народа. «Наши силы неисчислимы. Завлаженный враг должен будет скоро убедиться в этом. Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом. Поднимутся миллионные массы нашего народа... Все силы народа — на разгром врага! Вперед, за нашу победу!»

Собравшись у репродукторов, речь слушали тысячи железнодорожников, военно-

служащих из стоявших на железнодорожных путях эшелонов, жителей пристаниционных поселков. Вызывая чувство горечи и боли за наши военные неудачи, она звала к непримиримой борьбе со смертельным врагом, к самопожертвованию во имя спасения Родины, защиты свободы народа.

(Из воспоминаний первого секретаря МГК КПСС Виктора Гришина, в 1941 году - секретаря Серпуховского узлового парткома ВКП(б))